

Zahrádka, Miroslav

Чем же интересна русская литература для мирового читателя сегодня?

Opera Slavica. 1995, vol. 5, iss. 3, pp. 24-29

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle):

<https://hdl.handle.net/11222.digilib/116887>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЧЕМ ЖЕ ИНТЕРЕСНА РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ МИРОВОГО ЧИТАТЕЛЯ СЕГОДНЯ?

Мирослав Заградка

Ответ на этот вопрос не простой, уже лишь потому, что процессы, происходящие в русской литературе, могут быть интересны для специалистов, а вовсе не должны интересовать читателя. А все же мера притягательности для специалистов может быть знаменательной и для культурного читателя и нередко прямо или косвенно влияет - посредством переводчиков, редакторов издательств или критиков - на читательский спрос.

И так - чем же интересен сегодняшний этап развития русской литературы специалисту и шире - культурной публике? Прежде всего своей единичностью и неповторимостью, имеющей свои корни в феномене «гласности», бесцензурности во второй половине восьмидесятых годов. Такая ситуация имела пока место только в бурных временах революционной смуты в 1905 или в 1917-18 годах и не успела стать нормальным состоянием дел в литературе и культуре. На этот раз уже существует 7-8 лет или способствовала созданию демократической атмосферы в русской культуре, чем эта культура на многие годы опередила политику и экономику. Это могло случиться потому, что в отличие от политики и экономики культура и литература никогда не находились в состоянии застоя, ибо жили своей внутренней жизнью в самиздате, в зарубежье, частично и в печатных подцензурных изданиях даже в так наз. эпохе стагнации. Внутренняя демократичность культуры в течение всей советской эпохи дана постоянным и сильным духом сопротивления «замятинско-орвелловским» порядкам в обществе. Это сопротивление явно в творчестве Булгакова, Бабеля, Платонова, Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, позднего Маяковского, позже Некрасова, Солженицына, Гроссмана и многих других. На всех этапах развития советской литературы была внешняя, явная ее часть всегда «беременна» демократизацией, так что довольно было первого импульса «сверху», и демократическая литература развилась в полной мере.

Перед литературой стояла тогда задача наверстать упущенное, т. е. преподнести читателю все накопившееся богатство пока ему недо-

ступной литературы, а именно: а) продукции нескольких волн эмиграции, б) продукции возникшей на родине, но до сих пор неопубликованной, в) давно забытой литературы подавленных в советское время направлений, г) работ современных писателей, напр., постмодернистов, не имеющих шансов на опубликование без «гласности» (см., напр., произведения «метрополистов»), е) переводов зарубежной литературы, особенно XX века, которая не соответствовала официально принятым нормам. Вся эта многообразная литература на несколько лет (частично это продолжается и сегодня) заполнила журналы и отодвинула в известной мере современную продукцию, в том числе и категорию «г». Интеграция всего этого богатства в таком небольшом отрезке времени создает совершенно небывалый характер современного литературного процесса, напоминающий хаос первозданности, ненасытные вакханалии культуры, изобилие разной масти ценностей, из которого пробивается истинная, объективная картина русской литературы XX века. Эта интеграция свидетельствует не только о необычайном многообразии русской литературы XX века, но и о том, насколько это многообразие тесно связано с традициями литературы XIX века и так наз. серебрянного века, т. е. с традицией Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова, символистов, акмеистов и др. Благодаря этому факту сохраняет нынешний процесс интеграции специфически русский характер.

Русская классика XIX века представляет собой ценности, которые вывели русскую литературу на мировую культурную арену. Точнее - творчество Толстого, Достоевского, Тургенева, Гоголя стало во второй половине века достоянием мировой культурной публики и создало первую широкую волну переводов во Франции, Чехии, Германии и в других странах. Вслед за названными классиками идет мировая известность Чехова, Горького и других литераторов начала XX века. Интерес к русской литературе, напр., в Чехии, был настолько сильным, что переводы печатались почти одновременно с русскими оригиналами, что они и отклики на них публиковались не только в литературных журналах, но и в газетах, в том числе региональных, что вместе с тем газеты и журналы следили за новостями в русской литературе, за событиями в личной жизни авторов и т. д. С тех пор никогда уже это изобилие актуальных откликов, известий, заметок о русских писателях не повторялось, но фамилии писателей этой первой волны прочно вошли в сознание читателей. Доминантным явлением этой волны было личностное начало, вся эта популярность зависела от творческой силы отдельных личностей, от силы их гуманизма и выдвижения существенных проблем человека в обворожительных художественных образах.

Вторую ступень проникновения русской литературы в мировой контекст представляет творчество писателей после революции 1917 года. Уже не только личностный, но и событийный принцип здесь

присутствовал при распространении русской литературы в мире, т. е. действовало здесь не только творчество отдельных талантливых писателей, но и факт, что русская революция, социалистический эксперимент советского типа, великодержавные амбиции России стали с тех пор для мира, для мировой политики и культуры своеобразным «комплексом». Раздвоение русской литературы на зарубежную и советскую благодаря этому «комплексу» привлекало внимание культурной публики, и выдающимся писателям из обоих «лагерей» открывался, таким образом, путь к мировому читателю: к антисоветски настроенному попадали зарубежные русские авторы, к левому, революционному, социалистически ориентированному (каким можно было считать большую часть западных интеллектуалов) советские писатели.

Эмигранты пользовались мировой славой русских классиков, продолжателями которых сами себя обозначались. Чувство вины перед русской литературой кр. пр. привело нобелевскую комиссию, которая в свое время не реагировала на предложенные публикой кандидатуры Толстого или Горького, к присуждению премии самому талантливому из эмигрантов - Бунину. Шире чем когда-либо распространилось творчество Толстого, продолжателем которого считался Алданов и целый ряд других писателей, и Достоевского, действовавшего не только силой своего художественного слова, но и публицистическими рассуждениями, напр., о взаимоотношении России и Европы. Не случайно проф. Масарык, первый президент Чехословакии, именно так назвал свое кардинальное сочинение - «Россия и Европа» - и не случайно в нем так часто звучит имя Достоевского. Достоевский, Толстой и Пушкин стали среди эмигрантской части русских ученых, создавших ряд своих научных центров (в Праге, Београде, Берлине и т. д.), объектом многих исследований. Тот же интерес к классикам проявляли советские ученые, хотя с других методологических позиций, так что русская классика звучала на многих конгрессах и конференциях, юбилейные издания Толстого, Достоевского и Пушкина выходили в ряде стран. Это все укрепляло место русской литературы, в том числе и эмигрантской, в мировой культуре. Литературное наследство стало интегрирующей силой дезинтегрированной тогда русской литературы.

Советская литература в течение двадцатых годов тоже сильно проникала в Европу благодаря интеллектуалам левой ориентации или индифферентным критикам и переводчикам, не считавшимся с идеологическим разделением русской литературы и пропагандировавшим художественные ценности обоих лагерей. Именно эти переводчики были второй интегрирующей силой разьединенной литературы. Таким образом, западный читатель мог познакомиться с новой гарнитурой русских писателей, вступившей в литературу после революции или в десятые годы. Знаменательно, что наибольшей популярностью пользовались авторы, которые в той или другой мере не были правоверны-

ми представителями канонизированного тридцатые годы социалистического реализма и частично даже принадлежали - сознательно или объективно, по смыслу творчества - к литературе внутреннего сопротивления. Речь идет о Есенине, Пастернаке, Булгакове, Пильняке, Бабеле, Зощенко и ряде других. Даже эмигранты оценивали мастерство этих писателей, находив, однако, художественные ценности и у Горького, известного в мире уже с начала века, Леонова, Федина, Вс. Иванова и др.

Не во всех странах русская литература достигла такой высокой оценки. Некоторые эмигранты пользовались успехом больше всего в стране, где они жили (напр., Аверченко, Чириков, Немирович-Данченко в Чехословакии). Именно в этих странах с сильной и активной левой интеллигенцией (напр. в Германии, Чехословакии, Франции). Именно в этих странах нашлись критики и переводчики, домашние или жившие там русские, которые сознательно пропагандировали русскую литературу как целое. Н. Кульман говорит в 1929 г., что «советская и зарубежная литература являются общерусскими». Марк Слоним, автор антологии и трудов по советской литературе, внимательно следил за новыми талантами в Советском Союзе. В свою очередь, Луначарский, народный комиссар просвещения, писал рецензии о новых книгах эмигрантов, пока его Сталин не избавил этой возможностью. Такую же интегрирующую роль сыграл в своих трудах француз Владимир Познер или чешский поэт, критик и переводчик Богумил Матезиус, писатель незаурядной широты таланта и образованности, переводчик с латинского, китайского, японского, норвежского, немецкого (Лессинг, Гете, Шиллер, Гейне, Гауптман, Ремарк и др.), французского (А. Франс, А. Жид и др.) и особенно с русского. Вот неполный список авторов, которых переводил: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Островский, Сухово-Кобылин, Грибоедов, А. К. Толстой, Чехов, Л. Н. Толстой, Достоевский, Блок, Маяковский, Есенин, Хлебников, Неверов, Пильняк, Шолохов, Горький, Шкловский, Катаев, Афиногенов, Булгаков, Олеша, Каверин, Белый, Цветаева, Гумилев, Ахматова. В его вузовских лекциях после 1945 г. звучат многие фамилии эмигрантов - Мережковский, Алданов, Ремизов и др. Лекции и возникшие на их основе скрипты стали своей объективностью своеобразным противовесом упрощенных советских учебников и основой «пражской» русистской школы. Такую же объективизирующую и интегрирующую роль сыграли критики и переводчики В. Червинка (перевел Федина, Мережковского и др.), Фр. Кубка, Н. Мельникова-Папоушкова и др.

20-30-ые годы XX столетия стали новой ступенью мирового значения русской литературы, укрепили ее позиции в мировой культуре. Это стало возможным благодаря новым талантам XX века и новым открытиям в литературе XIX века, но предпосылкой к такому интересу к русской литературе были не только писатели, но и «русский ком-

плекс» мира после революции, т. е. не только личностное, но и событийное начало.

Нынешний этап интегрированной уже русской литературы, характерный почти всеобщим чувством катарзиса и идейно-эстетическим многообразием или даже хаосом во внутренней жизни литературы с одной стороны, и продолжающимся «русским комплексом», напряженным ожиданием дальнейших шагов России со стороны мировой общественности, опять создает предпосылки для возможного возникновения новой волны интереса к современной русской литературе. Эта волна пока поднимается медленно и зиждется прежде всего на анализе и оценке прошлого, что является доминантой лучших произведений эмигрантов и писателей типа В. Гроссмана. Интересно, что произведения Солженицына, Владимова, Максимова, Некрасова, Войновича, не говоря о эмигрантах первой волны - Алданове, Бунине и др. -, задающие тон современной интегрированной литературе, основываются на реалистических принципах, создавая, таким образом, для нерусского читателя впечатление непрекращающейся и привычной для него специфики русской литературы. Это еще с творчеством старшего поколения русских авторов, живших на родине - напр., Гроссмана, Гранина, Бакланова, Астафьева и др. - главный слой русской литературы, который может проникнуть к мировому читателю.

Второй такой слой представляет творчество тех русских писателей, которые черпают из традиций русской и одновременно инонародной, как правило, какой-нибудь азиатской литературы. Одного из них мировой читатель знает с шестидесятых годов - Айтматова, который пишет свои книги на русском и в рамках традиции русской психологической прозы, но вместе с тем включает в них, или даже всецело строит их на основе мифов, символики, образности, орнаменталистики народы Востока - казахов, киргизов, нивхов. Другим таким русским писателем является Анатолий Ким, черпающий из образности и философии корейцев и народов Дальнего Востока. Ким, один из самых выдающихся талантов сегодняшней русской литературы, принадлежит, однако, частично и к третьему слою современных писателей, имеющих шанс заинтересовать читающую публику в мире, - к постмодернистам с выразительно евроазиатской спецификой. В отличие от т. наз. постмодернистов, понимающих свое направление только лишь как «хаос», стилевую и композиционную вседозволенность, Ким подчиняет разностильность и сложную композиционную структуру универсальной, напр., эсхатологической идее, мысли о постепенной гибели человечества посредством прогресса. Трагическую судьбу трех поколений русских дворян (с ретроспективами вглубь русской истории) он видит глазами «вечного» существа - Леса (речь идет о романе «Отец - Лес»), так что мир и жизнь людей здесь движется в реальном времени, но вместе с тем она рассматривается в какой-то одновременности, если не говорить о вневременности. В прозе А. Кима действуют

в одной плоскости люди живые и мертвые, люди переменные в животных и обратно, природа для писателя - одно целое, всеохватывающее существо, и человек - его часть. Происхождение идей о инкарнации и т. под. не подлежит сомнению. Ким, объединив в своем творчестве философию Востока с русским историческим опытом и бытом, создал произведение типично евроазиатского характера. Возникновение такого типа прозы мы наблюдаем в современной русской литературе нередко, чаще всего в форме обработки подспудной или основной библейской темы в объединении с русской тематикой. Напомним хотя бы айтматовскую «Плаху» (которую, однако, не считаем постмодернистским романом) или повесть «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева, в которой в универсальной иронической дискредитации обзревается историческая и современная Россия, русская «неприкосновенная» классика, так же «неприкосновенный» русский народ, частью которого показан в едком автопортрете сам автор, и одновременно развивается подспудно трагическая библейская линия.

Постмодернистом «чисто» русского склада выступил в последние годы петербуржец Михаил Кураев, в повестях и романе которого переплетаются историческая и философская эссеистика, почти детективные сюжеты, фантастика, иронические, а также трагические зарисовки петербургского коммунального быта, все без утайки связанное с русской классикой - с Достоевским и Чеховым особенно. Оригинальности достигает Кураев не только комбинацией жанров и стилей, но и объединением чеховской детали с широким планом сюжетного свода а ля Достоевский. По праву издают Кураева во многих странах и стыдно, что нет пока чешского перевода.

Оказывается, что постмодернист лишь тогда добивается успеха, когда «хаос» развивается под единым организующим началом, коренившимся, как правило, в традиции или в мифе. В одно время казалось, что русская проза будет развиваться под знаком ожесточения, динизма, эротизма, огрубения. Это, наверно, была необходимая переходная, но, по моему мнению, неперспективная стадия эволюции. Неперспективная тогда, если в этой прозе не присутствует именно тот «высший принцип», о котором я говорил. Такая проза может конкурировать западной коммерческой продукции лишь в качестве сенсации, но, как известно, таких «сенсаций» в массовой беллетристике хватает и она спокойно обойдется без русского пополнения. Если даже переводится часть этой беллетристики, все равно она не может стать константной частью мировой культуры. На это может претендовать лишь литература, связанная со специфическими традициями русской прозы, с евроазиатским и мировым мифом.